

Arkadij Neminuszcij
Daugavpils

„Польский аромат” в прозе Н. С. Лескова

Как хорошо известно, Н. С. Лесков – один из наиболее самобытных русских писателей второй половины XIX века. Однако „пытливому исследователю русского национального характера”¹, воссоздателю бытовой и даже этнографической специфики русской жизни² не была чужда и сфера „иного”, касается ли это жизнеустройства других народов или особенностей уже инационального характера.

К числу таких относительно периферийных, но важных составляющих творчества Лескова относится все, что связано с Польшей и поляками.

В прозаическом лесковском наследии практически во всей его хронологической протяженности можно выделить не менее десятка текстов, где так или иначе заявлен „польский аромат” в различных его вариантах (мотив, тема, персонаж). Наиболее внятно указанные компоненты обнаруживаются в романах *Некуда* (1864); *Обойденные* (1865); повести *Островитяне* (1866); хронике *Соборяне* (1872), рассказах и очерках разных лет: *Загадочный человек* (1870); *Русский демократ в Польше* (1880); *Райский змей* (1882); *Интересные мужчины* (1885); *Инженеры-бессеребренники* (1887); *Анутка* (1888).

Несомненно одним из первых импульсов к появлению интереса к Польше стало недолгое пребывание в Варшаве и Кракове, когда после появления в газете „Северная пчела” статьи Н. С. Лескова о петербургских пожарах, весной 1862 г. последовали безосновательные обвинения в доносительстве на революционные силы и писатель вынужден был на некоторое время покинуть Россию.

Впрочем переоценивать влияние упомянутой поездки вряд ли стоит, ибо присутствие „польской темы” в общественном и культурном сознании России на протяжении продолжительного времени было величиной

¹ А. А. Горелов, *Николай Семенович Лесков*, [в:] *История русской литературы 19 века (вторая половина)*, Москва 1991, с. 320.

² В. Богданов, *Н. С. Лесков в русской литературе*, [в:] *В мире Лескова*, Москва 1983, с. 9.

постоянной и Лесков несомненно сталкивался с этой проблематикой как до, так и после своего путешествия.

Не случайно в хронике *Соборяне*, где частью повествования являются дневниковые записи главного героя Савелия Туберозова представлены заметки, относящиеся к 30-м гг. XIX века. Глухая российская провинция, в которой обретает священнослужитель Туберозов, как выясняется, живо интересуется „польским вопросом”. Диалог провинциалов, зафиксированный в дневнике Туберозова, тому свидетельство:

Перекачиваемся да дураков тешим: то поляков нагайками потчуем, то у их хитрых полячек ручки целуем [...].

– А все же, – говорю, – войска наши там по крайней мере удерживают поляков, чтоб они нам не вредили.

– Ни от чего они их, – отвечает, не удерживают; да и нам те поляки не страшны бы, когда б мы сами друг друга есть обещанья не сделали³.

Следует подчеркнуть, что в данном и подобных случаях речь не идет, конечно, об авторских оценках. Это уровень понимания и суждений конкретных персонажей.

Нередко присутствие „польского аромата” в художественном мире Лескова маркируется каким-либо отдельным знаком, в том числе на уровне речи, а точнее речевой практики персонажей, которые поляками по определению не являются, но демонстрируют присутствие полонизмов в своем сознании:

– Основательно, весьма основательно, Фридрих Фридрихович, – ответил он Шульцу.

– Эх, батюшка, да зовите меня просто Федор Федорычем. Ведь это вшистка едно, цо конь, цо лошадь (III, 434).

В некоторых случаях польская тема возникает в лесковских текстах в связи с привязкой к конкретному топосу и тогда оценка (опять-таки преимущественно доверяемая персонажу) мотивируется непосредственным впечатлением, а не исторической рецепцией или осмыслением лично не пережитого опыта. Таковы, например, вполне доброжелательные по преимуществу рассуждения героев романа *Обойденные* (1865) о Варшаве

³ Н. С. Лесков. *Собрание сочинений. В двенадцати томах*, т. 1, Москва, 1989, с. 85. В дальнейшем цитаты приводятся по данному изданию с указанием номера тома и страницы в скобках за текстом.

и варшавянах, польских обычаях и бытовых привычках, воспроизведенные Лесковым в формате обмена дорожными впечатлениями. Варшава здесь „хороший, типический город”, варшавские мужчины „...и живут, и думают, и любят, и не надоедают своим женщинам одною докучною фразою” (Ш, 146) и т.п.

Наиболее развернуто польская тема заявлена у Лескова в одном из самых крупных его романов 1860-х гг. *Некуда* (1864). Именно здесь, как думается, оказались совмещенными личные впечатления автора от поездки в Польшу, результаты наблюдений (которые Лесков, как известно, достаточно скрупулезно фиксировал) и наиболее внятно обозначилась авторская позиция в плане освоения польского материала.

Суть новаторства Лескова может быть проявлена более точно, если иметь в виду несколько достаточно важных обстоятельств.

Начало 1860-х г. (и особенно 1862 г.) были отмечены достаточно заметной вспышкой полонофобии в русском общественном сознании. Газетная и журнальная публицистика этого периода с различной степенью активности культивировала в обывательском сознании явно демонизированный образ поляка. Совершенно очевидно то, что эта кампания была связана с петербургской „пожарной эпидемией” 1862 г. В силу того, что конкретные виновники бедствия так и не были обнаружены, появился, если так можно выразиться, общественный запрос на конкретизацию „фантома зла”. Исследовательница А. Блума, основательно изучившая столичную периодику 1862 г., констатировала, что петербургские бедствия в достаточно большом количестве изданий породили обвинения в духе исторически сложившейся ксенофобии, которая всегда актуализировалась в подобных случаях: „... во время чумы, холеры и прежних пожаров ходили толки, что отравляют немцы, а поджигают поляки”⁴.

Подобное восприятие „чужого”, причем не всегда в связи с каким-то экстремальными событиями, давно уже является предметом серьезного изучения представителей различных наук. Разумеется, это относится к литературоведческой компаративистике, прежде всего, в той ее части, которая в начале XX века получила название имагологии. Сферой ее интереса, во многом благодаря усилиям французского ученого Жана-Марка Мура стало выявление типологических принципов воссоздания образа

⁴ А. Блума, *Образ поляка в русской публицистике 1862 года*, [в:] *Филологические чтения: 2004*, Даугавпилс 2005, с. 105.

иностранца в национальных литературах. Параллельно сходной проблематикой занимались и социологи, которые пытались прояснить механизмы оформления образа «чужого» в массовом общественном сознании. Этот последний аспект продемонстрировал особую предрасположенность к созданию разного рода ложных мифов и стереотипов⁵.

В случае с Лесковым явно знаковый характер имеет то, что одним из персонажей романа *Некуда* становится некий „учитель из поляков” Юстин Помада, принадлежащий к группе так называемых „чистых нигилистов”. Данный персонаж если и не идеализируется (что в реалистическом тексте, видимо, невозможно вообще), то наделяется целым рядом отчетливо положительных признаков. Помада в различных сюжетных коллизиях демонстрирует способность к подвижническому служению идее, самоотверженность, рыцарское отношение к женщине. Более того, автор интерпретирует своего героя в ассоциативной связи с литературной традицией донкихотства, он часто именуется „антиком”, поскольку по своей доброте и бескорыстию явно выпадает из ряда других персонажей, подчиненных утилитарным интересам⁶. В контексте уже упоминавшегося своеобразного „затмения” общественного сознания начала 1860-х гг., проявившегося в актуализации полонофобии, воссозданный Лесковым персонаж воспринимается как явный вызов преобладающим настроениям.

Роман *Некуда* безусловно должен быть определен как прежде всего идеологический, но Лесков с его установкой на достаточно подробное воссоздание быта, среды уделяют и этому достаточно большое внимание. Кроме Юстина Помады в системе персонажей присутствуют и другие поляки, в разном качестве вовлеченные в деятельность „чистых нигилистов” (Рациборский, Ярошинский и др.). Участники движения не только дискутируют и устраивают акции, но и общаются в самых разных ситуациях, включая застолье. Именно в таких эпизодах автор романа демонстрирует, во-первых, саму возможность бесконфликтного сосуществования представителей двух разных культур, во-вторых, собственное знание именно польской культуры. Так, скажем, в одной из подобных ситуаций участники совместных „посиделок” обмениваются песенным фольклором (русским, польским, украинским) причем фрагменты польских песен приводятся в оригинальной транскрипции, латиницей:

⁵ См. об этом: М. Świdorska, *Изображение чужого в прозе А. П. Чехова. Dzieło Antoniego Czechowa dzisiaj*, „Studia Rossica XVI”, Warszawa 2005, с. 160–163.

⁶ И. В. Стоярова, *В поисках идеала (Творчество Н. С. Лескова)*, Ленинград 1978, с. 59.

Kwarta do półkwarty,
To półtory kwarty,
A jeszcze półkwarty,
To będzie dwie kwarty. (IV, 227)

Уже говорилось о том, что при явно положительной общей установке Лесков не склонен впадать в идеализацию. Среди участников революционного движения писатель выделяет и поляков-провокаторов, и прямых предателей. Но совершенно не случайно главные герои романа – Вильгельм Райнер и Лиза Бахарева оказываются среди участников польского восстания и погибают в борьбе за как бы „чужую” свободу.

Не избегал Лесков и актуализации „польского вопроса” в его идеологически-политическом аспекте, хотя именно он представлен в прозе писателя наиболее скромно. Но и в этом случае сделанный автором выбор, расставленные акценты весьма показательны. Так, скажем, главным героем своего очерка *Русский демократ в Польше* (1880) (текст вошел в так называемый „цикл о праведниках”) Лесков делает директора канцелярии генерал-фельдмаршала Паскевича, „умирявшего” непокорную имперскую окраину в начале 30-х гг. позапрошлого века. Казалось бы вовлеченный в силу своего служебного положения в механизм государственной машины с ее вполне определенной идеологической установкой по отношению к полякам Иван Фомич Самбурский демонстрирует, тем не менее, эффект „выпадения”, явного чудачества, нестандартного, по отношению к существующим стереотипам, мышления. Позиция персонажа обозначается и словесно и на уровне поступков, но опорным является следующий „крамольный” тезис:

– Надо желать, чтобы она [Польша – А. Н.] сделалась самостоятельной, надо сделать ее таковою и бросить (II, 84).

Наконец Лесков не был бы Лесковым, если бы не заинтересовался еще и культурно-этнографическим аспектом чужого (но не чужого ему) национального бытия. Может быть наиболее развернуто эта составляющая разлитого в лесковской прозе „польского аромата” представлена в одном из поздних текстов конца 1880-х гг. – рассказе *Анутка* (1988). Доминирующая здесь проблематика – вопрос самой возможности сохранения самобытности человека в условиях тенденций нивелировке личности в разных ее ипостасях.

Герой-рассказчик представляет здесь два различных „типа”, галицийских поляков – Игнация и Морица. Первый являет собой, на первый взгляд, компиляцию стереотипных представлений (или имажем по терминологии Ж.-М. Мура):

Он ходил в темной чемарке из довольно грубого, но зато настоящего, „хозяйственного” польского сукна, в панталонах, заправленных в сапоги, которые называются „бутами” [...] Высокий лоб его осенял высокий же с проседью черный чуб, а над устами простирались огромные черные с проседью усы (V, 331).

Однако такой „овнешненный” набор „польской чистокровности” корректируется и усложняется тем, что делает этот образ как минимум неоднозначным:

В глубоких карих глазах Игнация жила какая-то поэтическая, с ним навеки умершая тайна (V, 331).

Приходящее на смену таким „коренным полякам” поколение характеризуется как мельчающее, утрачивающее какую-то важную опору. В пришедшем на смену старому владельцу корчмы „принципале” Морице акцентируется уже другое:

В лице и фигуре... не отпечатлелся никакой национальный тип (V, 331).

Важно заметить, что проблема утраты идентичности перед лицом „железного” века занимала Лескова разумеется и по отношению к России и русским.

Сказанное позволяет высказать предположение, что Н. С. Лесков в ряду многих своих современников-литераторов явил образец чрезвычайно вдумчиво, нестандартного подхода в воссоздании польского (и не только польского, кстати) инационального бытия. В минимальной степени писатель оказался вовлеченным в процесс создания ложной мифологии. Его энергия была направлена на глубокое (даже на минимальном материале) проникновение в суть явлений и разрушения стереотипов.

Streszczenie

Motywy polskie w prozie N. Leskova

Niniejszy artykuł pokazuje specyfikę realizacji tematu polskiego w prozie N. Leskova. Rosyjski pisarz odwiedził Polskę na początku lat 60. XIX wieku. Najszerzej tematyka polska została zaprezentowana w powieści *Donikąd* (1864), w opowiadaniach i artykułach z ostatnich lat życia pisarza: *Rosyjski demokracja w Polsce* (1880), *Tajemniczy człowiek* (1885) itd.

Realizacja motywu polskiego w prozie Leskova z jednej strony jest typowa dla literatury rosyjskiej, pokazuje międzynarodowe zjawisko i topos różnych kultur tak jak „inne”, rzadko postrzegane jako obce lub wrogie. Indywidualność Leskova manifestuje się tym, że jego wersja prezentacji Polski i Polaków jest odmienna do oficjalnego stanowiska imperium, zgodnie z którym Polska była postrzegana jako stałe źródło zagrożenia. Ten stereotyp w prozie Leskova został obalony.

Summary

„Polish oeuvre” in N. Leskov’s prose

The present article regards the specificity of the realization of the Polish theme in N. Leskov’s prose. This element of the Russian writer’s artistic world is represented in his writing of the 1860s–1880s. N. Leskov had a personal experience of Poland which he visited at the beginning of the 1860s. Most vividly Polish thematics is represented in the novel *Nowhere* (1864), as well as in the stories and articles of his last years: *Russian Democrat in Poland* (1880), *Interesting Men* (1885), etc.

The realization of the Polish motif in N. Leskov’s prose is, on the one hand, traditional for Russian literature, depicting international phenomena and *topos* of different cultures as „other” which are seldom perceived as foreign and hostile. The individuality of N. Leskov is manifested in the fact that his version of depicting Poland and Polish is opposed to the official state imperial position according to which Poland was regarded as a permanent source of danger. This stereotype is destroyed in N. Leskov’s prose.